

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

О.Л. Довгий

КНИЖНАЯ ТОПИКА У КАНТЕМИРА И ПУШКИНА

В статье предлагается подход к творчеству А.Д. Кантемира как культурного фона, «литературного бессознательного» русской поэзии. Кантемир привил русской поэзии многие классические сюжеты и мотивы – в частности, создал богатую книжную топику: практически все книжные мотивы, введенные в русскую литературу Кантемиром, продолжают жить в русской литературе. В статье рассматриваются основные книжные мотивы, связанные с линией Книга-Автор-Книгопродавец-Читатель, и прослеживается трансформация этих мотивов в творчестве А.С. Пушкина.

Ключевые слова: А.Д. Кантемир; книжная топика; культурный фон; «литературное бессознательное»; линия Книга-Автор-Книгопродавец-Читатель; А.С. Пушкин; основные книжные мотивы.

Под книжной топикой нами понимается вся совокупность мотивов, связанных с книгой. В данной статье нас будет интересовать жизнь книжной топики на русской почве.

Со всем богатством и разнообразием европейских книжных мотивов русскую поэзию познакомил А.Д. Кантемир, первый русский писатель европейского типа. Кантемир не скрывал подражательной направленности своего творчества:

Что дал Гораций, занял у француза,
О коль собою бедна моя муза!
Да верно, ума хоть пределы узки,
Что взял по-гальски, заплатил по-русски¹.

Именно в привнесении европейских тем, мотивов, сюжетов в русскую литературу, в создании ее культурного фона видел он свою миссию.

По замечанию Ю.К. Щеглова, «Кантемир, как и Пушкин, находился на перекрестке европейских культурных течений и не менее свободно, чем

Пушкин, владел интернациональным языком поэтических стереотипов и дизайнов»². Произведения Кантемира стали культурным фоном, «литературным бессознательным» русской поэзии. Один из сюжетов, тщательно разработанных Кантемиром для русской литературы, – книжный.

В творчестве Кантемира возникает основной каркас мотивов, связанных с книгой, – так что каждый последующий писатель, обращаясь к теме книг, невольно оказывается внутри кантемировского сюжета; и ему остается только искать новые вариации уже существующих мотивов.

Кантемировский книжный сюжет состоит из трех частей:

1. Рождение Книги – многочисленные мотивы *авторских творческих мук*.

2. Жизнь Книги, вышедшей из рук Автора, мотивы, связанные с *читательским произволом*.

3. Жизнь Книги после физической смерти Автора. Переход прямого значения слова Книга в метонимическое; начало синонимии Автора и Книги – круг мотивов *библиотеки и памятника*.

В настоящей статье мы рассмотрим только круг мотивов, связанных со второй частью сюжета – жизнью уже созданной, отпечатанной Книги.

Схема этой части кантемировского сюжета (во многом перекликающегося с метафорой мира как библиотеки) примерно такова:

Центральным персонажем является Книга (понимаемая как предметно, так и метонимически и персонифицированно) – именно вокруг нее вращаются Автор, Книгопродавец, Читатель. Книга у Кантемира и субъект (она наделяется свойствами «ненавидеть», «скучать», «желать» в паре «Книга – Автор») и объект (часто просто «негодная бумага» – в паре Книга – Читатель-Враг). Сюжет предусматривает широкий, но вполне обозримый круг мыслей, эмоций, действий каждого персонажа по отношению к Книге.

Автор по отношению к Книге – *отец*:

...Не к таким воспитана от меня ты нравам...

...любовник:

...а ты знаешь,
Как я сам, любовник твой, когда мне наскучишь,
Тебя, сжимая, верчу³...

Книга может рождаться легко – когда невзыскательный Автор не отягощает себя лишними трудами:

Невежда той всем своим доволен бывает...
...Счастлив тот, кто, на одной ноге стоя, двести
Стихов пишет в час один, и что день, полдести
Измарает...

и в страшных муках:
И когда стихи пишу, мню, что кровь пуцаю.
Кончив дело, надолго тетрадь в ящик прячу.
Пил и чищу потом, и хотя истрачу
Большу часть прежних трудов, новых не жалею⁴...
Труды свои двадцать раз я вновь зачинаю,
Как три строчки напишу, то две замараю...
Поневоле каждый день, как гвоздем прибиты,
Черню листы иль слова, выправне забыты⁵...

Поначалу Автор обладает на Книгу абсолютными правами. Мотив вечного недовольства Автора своим творением находит крайнее выражение в желании уничтожить его (разорвать или даже сжечь):

Не пощадил, боязлив я, своей работы,
Лист написав, два или три изодрал, исхерил⁶...

Особое место в сюжете занимает драматический момент прощания Автора с Книгой, когда Автор теряет над Книгой все права. Здесь целая серия мотивов: *отпускания Книги на волю, ее скитаний по чужим рукам, предвидения всевозможных невзгод (забвения, хулы, использования не по назначению, книжной лавки – возникает имя Книгопродавца («У Сосиев в лавке»); пыли, моли как губителей книги, перечисления никем не читаемых произведений («с Бовою, иль с Ершом»)* – *соседей Книги по пыльным полкам, тревог за ее дальнейшую судьбу:*

Когда уж иссаленным время ваше пройдет,
Под пылью, мольям на корм кинуты, забыты
Гнусно лежать станете, в один сверток свиты
Иль с Бовою, иль с Ершом; и наконец дойдет
(Буде пророчества дух служит мне хоть мало)
Вам рок обвертеть собой иль икру, иль сало⁷...

Многие из этих мотивов в перечислены в Примечании к стихотворению «К своей книге»: «Нетрудно усмотреть, что сие письмо служило предисловием в книге, в которой собраны были Горациевы творения. Говорит он в той книге как к сыну, который, наскучив жить под опекою и надзором отцовским, ищет скинуть узду и на волю выйти. Отец ему изъясняет, в какие бедства он себя подвергает, и напоследок, не могучи его унять, дав ему некие наставления, пушает его на волю»⁸.

Кантемир активно использует мотив *обращения Автора к своим стихам*:

Ин поиди, беги, куды тянет тебя воля, –
Выпущенной, уж тебе возврату не будет⁹...
Не без вреда своего презирают дети
Советы отцовские. В речах вы признайте
Последних моих любовь к вам мою. Прощайте¹⁰.

После того, как произошло прощание, Книга переходит во владение Книгопродавца, Читателя – и сюжет рисует реализацию (или опровержение) предсказаний Автора.

Случается, что и сам Автор выступает в роли Книгопродавца:

Или стихи посылать то в Лондон, то в Вену,
Продавать их за деньги, кто даст больше цену¹¹...

Книгопродавец реализует многие мотивы, возникшие в воображении Автора при прощании с Книгой; имена многих Книгопродавцев, с легкой руки Кантемира, становятся достоянием поэзии:

К Вертумну, книга моя, кажешься и к Яну
Смотреть, хочеться тебе, сиречь, показаться
Чиста и украшена у Сосиев в лавке,
... Когда ж, измята в руках черни, впадать станешь

В презрение, или моль, праздна, молчалива,
Кормить станешь, иль, сальна, сошлешься в Илерду¹²...

Именно у Книгопродавца Книга ждет своего Читателя. Будет это Друг или Враг – решает судьба.

По сюжету Кантемира, качество Книги далеко не всегда связано со счастливой судьбой у Читателя. Бывает, что самые пустые книги пользуются популярностью:

Правда, все его стихи слабы и унылы,
Можно видеть – сочинял, не знаячи силы;
Однако ж, не несчастны, можно то сказать,
Найдет купца продавать и глупца читати¹³...

А бывает (и очень часто), что достойные книги долго пылятся в забвении, ожидая своего часа. Кантемир вводит в русскую поэзию мотив *сравнения старых книг и старых вин по принципу их драгоценности*.

Книги, и старинные гадателей свертки –
Буде для того, что сколь старее, столь лучше
Греков сочинении и римлянов книги.
... Буде стихи, как вино, лучше становятся
Со временем, знать бы я хотел, в сколько точно
Лет стихи могут достичь вышнюю свою цену¹⁴...

Заметим, что у Кантемира мотив улучшения качества книги от времени по аналогии с вином дан в сатирическом ракурсе – а русская поэзия станет использовать этот мотив без всякой иронии:

Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед¹⁵...

Мотив книги, понимаемой метонимически, вновь возникает в связи с размышлениями Кантемира о судьбе его книг после смерти:

Я и себе не хочу докучной прислуги:
Ни в воску видеть себя вылита дурнее,
Ни выхваленным в стихах глупых быть желаю,
Чтоб не краснеть мне с такой почести обильной;
И с писцом моим в один ящик непокрытый
Уклав меня, не снесли в ряд, где продаются

Ладан, перец, и духи, и прочие вещи,
Кои ввертываются в негодну бумагу¹⁶ ...

Здесь мотивы второй части кантемировского книжного сюжета соприкасаются с мотивами третьей (топикой Памятника – продолжения жизни поэта после смерти); а «ящик непокрытый», в котором заканчивает свои дни Книга, очень напоминает гроб – и протягивает ниточку к излюбленной пушкинской метафоре *книга-могила*.

Читатель, согласно сюжету Кантемира, бывает двух типов.

1) Читатель-Друг сродни Автору. Для него Книги – друзья. Стоящие на полках тома – круг избранных друзей, которым Читатель предпочитает общество современников:

Где б, от шуму отдален, прочее все время
Провожать меж мертвыми греки и латины,
Исследуя всех вещей действия и причины¹⁷.

Кантемир вводит мотивы *книг-друзей* и *мертвых друзей*, *библиотеки* и *местоположения книг на полках в зависимости от читательских предпочтений*. Один и тот же Читатель для разных Книг оказывается Другом и Врагом. Книгу нелюбимую ждет печальная участь:

Книгу их изданную стыдно читать миру,
В пыли гниющую, червям оставленну, сиру¹⁸ ...

2) Враг. Читатель, иронизирующий, выворачивающий наизнанку всю патетику перечисленных выше мотивов, связанных с Читателем-Другом.

Читатель-Враг вводит свой круг мотивов: *книги губят здоровье*:

Приходит в безбожие, кто над книгой тает, –
Критон с четками в руках ворчит и вздыхает¹⁹ ...

(Оба значения глагола «таять» – млеть от удовольствия; физически уменьшаться, исчезать – особенно второе, слышатся в этой фразе, усиливая убедительность позиции врага чтения.) *Книги отрешают от общест-*

ва; чтение (и писание) книг не приносит богатства; противопоставления книги вину с явным предпочтением второго:

Кто над столом гнется,
Пяля на книгу глаза, больших не добьется
Палат, ни расцветенна мраморами саду...
...Что же пользы иному, когда я запруся
В чулан, для мертвых друзей – живущих лишуся,
Когда все содружество, вся моя ватага
Будет чернило, перо, песок да бумага?
В веселье, в пирах мы жизнь должны провождати:
И так она недолга – на что коротати,
Крушиться над книгою и повреждать очи?
Не лучше ли с кубком дни прогулять и ночи?²⁰

И естественным для того, кто выбирает вино, оказывается *использование такой вредной вещи как книга на иные нужды – оборачивание кудрей:*

Медор тужит, что чресчур бумаги исходит
На письмо, на печать книг, а ему приходит,
Что не в чем уж завертеть завитые кудри;
Не сменил на Сенеку он фунт доброй пудры²¹ ...
или *оружие в домашней драке:*
Но вдруг вижу, что свечи и книги летают,
На попе уже борода и кудри пылают²² ...

Интересно проследить за игрой мотива *употребление книги не по назначению*²³: в стремлении физически уничтожить Книгу внешне сходятся позиции Автора, недовольного своим трудом, и Читателя-Врага. Но это кажущееся сходство еще больше подчеркивает их внутренний антагонизм. (Хотя Книге, по большому счету, все равно: брошена она в огонь разочарованным **Автором** или сожжена в результате семейной драки).

Тут возникает мотив *усыпления стихами*, очень полюбившийся русской поэзии:

...Иль войди на кафедру, поучая сильно,
Где бы слышатели твои заснули умильно²⁴ ...
И что чтецов я своих зевать не заставляю²⁵ ...

Вот – в самых общих чертах – основные мотивы второй части кантемировского книжного сюжета, где на первый план выдвигается **Читатель**.

Как видим, у Кантемира все очень четко и ясно; все персонажи разведены по полюсам.

В таком виде книжный сюжет (в его русском изводе) достался русской поэзии – и вся русская книжная топка живет внутри этого сюжета, варьируя его мотивы, наращивая новые ветви на заданный Кантемиром ствол. Проследить жизнь книжных мотивов, идущих от Кантемира, в творчестве разных русских писателей – задача очень заманчивая.

К Пушкину мотивы сюжета пришли после путешествия через всю русскую литературу XVIII в. – путешествия столь долгого, что исходная точка даже забылась: например, как самую близкую аналогию стихотворения «Городок» (1815), тематическим ядром которого является описание библиотеки с краткими и афористичными характеристиками поэтов разных веков и стран²⁶, обычно указывают стихотворение Батюшкова «Мои пенаты»²⁷. Безусловно, Батюшков – ближайший по времени источник. Но во-первых, ближайший не значит единственный (а Пушкин с творчеством Кантемира был знаком хорошо); во-вторых, батюшковское стихотворение (там, где речь идет о библиотеке) – построено по рецепту Кантемира, игравшего в художественном мире Батюшкова очень важную роль²⁸.

В XX в. Маяковский поставит на полку и автора «Городка», и себя самого, продолжая традицию метонимического восприятия Книги:

После смерти нам стоять почти что рядом:
Вы на Пе, а я на Эм²⁹...

В перечислении писателей Пушкин выступает в роли Читателя-Друга, живущего в определенном кругу избранных книжных «*мертвых друзей*»:

Друзья мне – мертвецы,
Парнасские жрецы³⁰...

и (именно в силу этой избирательности вкуса – вполне в русле кантемировского сюжета) Читателя-Врага в отношении тех авторов, которым не посчастливилось попасть в круг избранников:

Кладбище обрели
На самой нижней полки
Все школьнически толки,
Лежащие в пыли,
Визгова сочиненья,
Глупона псалмопенья,
Известные творенья –
Увы, одним мышам!

Кантемировский мотив *летающих в драке книг* пушкинскому капризному Читателю пришелся по душе: книги летят под стол:

Друзья! Почто же с Кантом
Сенека, Тацит на столе,
Фольянт над фолиантом?
Под стол холодных мудрецов,
Мы полем овладеем;
Под стол ученых дураков!
Без них мы пить умеем³¹.

(Здесь Пушкин продолжает кантемировскую традицию *противопоставления книг и вина* и в своей бравате как бы солидаризируется с Читателем-Врагом, предпочитающим книгам вино.)

...в огонь:
И трубку разжигают
Безрифминым лихим³².

В лицейской лирике в огонь с легкостью отправляются не только чужие, но и свои сочинения:

Вольтера, Виланда читать
Или в минуту вдохновенья
Небрежно Стансы намарать
И жечь потом свои творенья³³.

Как видим, все делается в соответствии с рецептами Кантемировского сюжета. В творчестве Пушкина находим множество примеров использования книг на самые невероятные нужды³⁴.

Пушкин легко решает кантемировскую проблему совмещения несовместимого – *книги и вина*; кантемировские мотивы углубляются, обогащаются; возникают книжные метафоры, которые органично войдут в сюжет и на законных основаниях продолжат свою жизнь в творчестве последующих поколений поэтов.

Вспомнив старину за дедовским фиялом,
Свой дух воспламеню Петроном, Ювеналом³⁵...

...Она не ведает, что дружно можно жить
С Киферой, с портиком, и с книгой, и с бокалом³⁶...

Пушкин подхватывает кантемировский мотив *старых книг и старых вин*, насыщает его новыми смыслами за счет все новых сопоставлений.

У Кантемира старое вино и старые книги; Пушкин расширяет границы сравнения: старое вино и «печаль минувших дней».

Кантемировский мотив *сравнения книги и вина* у Пушкина переключается с мотивом *прощания Автора с Книгой* – существующим у Пушкина и самостоятельно:

Иди же к невским берегам,
Новорожденное творенье,
И заслужи мне славы дань:
Кривые толки, шум и брань³⁷...

и в параллели с мотивом *книги-вина*:
Блажен, кто праздник жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала полного вина,
Кто не дочел ее романа
И вдруг умел расстаться с ним,
Как я с Онегиным моим³⁸.

Пушкин придает мотиву трагическое звучание, вводя префикс «не до»: не дочел, не допил. Прием будет подхвачен русской поэзией: В. Высоцкий построил на нем целое стихотворение:

Но к ней в серебряном ландо
Он не добрался и не до...³⁹

Кантемировский мотив *книга – вино* у Пушкина в расширенном виде выглядит так: *Книга – вино (бокал) – жизнь*.

Пушкинское «не до...» неуклонно ведет к его излюбленной книжной метафоре – *Книга-могила*, возникающей уже в ранней лирике:

Во мгле два призрака склонились главами.
Один на груды сел и прозы и стихов –
Тяжелые плоды полунощных трудов,
Усопших од, поэм забвенные могилы!⁴⁰

Тонкая тафта «Городка» превратится в розовую, зеленую и, наконец, в траурную:

И полку с пыльной их семьей
Задрнул траурной тафтой⁴¹...

Постоянным спутником метафоры *книга-могила* у Пушкина является *мотив выпавшей книги*⁴².

Поскольку «мысль о смерти неизбежной» – одна из любимых тем Пушкина, то, естественно, ход его мыслей (как и в сюжете Кантемира) приводит к тому, что участь кладбища на полу в пыли может ожидать не только творения Визгова и Глугона, но и его собственные:

Но может быть, и это даже
Правдоподобнее сто раз,
Изорванный, в пыли и в саже
Мой недочитанный рассказ,
Служанкой изгнан из уборной,
В передней кончит век позорный,
Как прошлогодний календарь
Или затасканный букварь...⁴³

В стихотворении «Цветок» метафора развернута; его можно прочитать как повесть о надгробии над могилой «того» и «той»: *книга подобна могиле*; цветок – «узору надписи надгробной на непонятном языке».

Кантемировский мотив *книга и пыль* тоже развивается у Пушкина в кругу мотивов *жизнь-смерть*. Безусловно, пыль для книг сродни могиле:

Меж тем как пыльные громады
Лежалой прозы и стихов
Напрасно ждут себе чтецов⁴⁴ ...

Но «возможен ход обратный»: Пушкин смотрит на каноническую ситуацию и с другой стороны:

Когда-нибудь монах трудолюбивый
Найдет мой труд усердный, безымянный...
И, пыль веков от хартий отряхнув,
Правдивые сказанья перепишет⁴⁵ ...

В сущности это продолжение и развитие мотива *старых книг, приобретающих от времени большую ценность*.

Сам Пушкин был склонен к совершению этих «обратных действий», к воскрешению из праха незаслуженно забытых имен:

Вот почему, архивы роя,
Я разбирал в досужий час
Всю родословную героя⁴⁶ ...

Мотив *пыли-книги-жизни* не останется незамеченным в русской поэзии:

Вошла со стулом,
Как с полки, жизнь мою достала
И пыль обдула⁴⁷ ...

В кантемировском каноне мы отмечали мотив *связи книги и сна*. Пушкин разрабатывает этот мотив очень активно и всесторонне – и тоже при помощи мотива *выпадающей книги*.

Герой у Пушкина часто засыпает от скуки:
Вильгельм, прочти свои стихи,

Чтоб мне заснуть скорее⁴⁸ ...

...Скажи, когда ты не скучал?
Подумай, поищи. Тогда ли,
Как над Вергилием зевал
А розги ум твой возбуждали?⁴⁹

Непрерывно возникающий мотив *зевания над книгой* подключает могильные мотивы:

И всех вас гроб зевая ждёт⁵⁰ ...

...Могилы склизкие, которые также тут
Зеваючи жильцов к себе наутро ждут⁵¹ ...

У Пушкина сон над скучной книгой сродни погружению в могилу, смерти.

Но пушкинский Читатель может не дочитать и интересную Книгу (из рук выпадают и «Кандид», и «ветхий Данте») – когда чтение плавно переходит в мечты, грезы, а то и пробуждает поэзию (в этом случае Пушкин вводит в кантемировский мотив *усыпления стихами* качество *сладостности*):

Огонь опять горит – то яркий свет лиет,
То тлеет медленно – а я пред ним читаю
Иль думы долгие в душе моей питаю.

.....
И забываю мир – и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне⁵² ...

А пробуждение поэзии — вполне может привести к созданию новой Книги. Круг замыкается.

Мотивы кантемировского сюжета возникают у Пушкина в новых ситуациях. *Книга-вино-могила* – у Пушкина все это звенья единого сюжета, имя которому – *жизнь*.

И, с отвращением читая жизнь мою⁵³ ...

«Онегин» – недописанная книга. Жизнь – недочитанная книга.

Пушкинское философское развитие книжных мотивов и метафор, по сути являющееся повествованием о жизни, далеко отстоит от простого и ясного кантемировского книжного сюжета. Но «растрепанный том Парни», лелеемый столетиями как знак принадлежности к Пушкину, – это отголосок кантемировского мотива *мертвых друзей*; знак Книги, становящейся в сознании потомков синонимом ее Автора.

¹ Соч. Кантемира цит. по: *Кантемир А.Д.* Собрание стихотворений. Л., 1956 (Библиотека поэта. Большая серия). Названия цитируемых произв. даются в сносках с указанием страницы: «Эпиграмма I. Автор о себе».

² *Щеглов Ю.К.* Антиох Кантемир и стихотворная сатира. СПб, 2004. С. 21.

³ «Из Горация. Письмо XX. К своей книге». С. 323.

⁴ «Сатира VIII. На бесстыдную нахальчивость». С. 173.

⁵ «Из Буало. Сатира вторая. К Мольеру». С. 344. Здесь мы очень близко подходим к части сюжета, связанной с авторскими муками при рождении Книги, – но не вдаемся в подробное рассмотрение ее мотивов.

⁶ «Словопроношение Императрице Елисавете Первой». С. 273.

⁷ «Письма. Письмо II. К Стихам своим». С. 216.

⁸ «Из Горация Писем книга I. Письмо XX. К своей книге». С. 324.

⁹ «Из Горация. Писем книга I. Письмо XX. К своей книге». С. 323.

¹⁰ «Письмо II. К Стихам своим». С. 216.

¹¹ «Из Буало. Сатира первая». С. 340.

¹² «Из Горация. Письмо XX. К своей книге». С. 324.

¹³ «Из Буало. Сатира вторая. К Мольеру». С. 346.

¹⁴ «Из Горация. Писем книга II. Письмо I. К Августу». С. 327.

¹⁵ М.Цветаева. «Моим стихам, написанным так рано...».

¹⁶ «Из Горация. Писем книга II. Письмо I. К Августу». С. 328.

¹⁷ «Сатира VI. О истинном блаженстве». С.147. Вариациям выражения «Мертвые греки и латины» в русской литературе суждена долгая жизнь, вплоть до современного: «Если не сведут с ума римляне и греки, сочинившие тома для библиотеки».

¹⁸ «Из Буало. Речь королю». С. 336.

¹⁹ «Сатира I. На хулящих учения...» С. 57.

²⁰ «Сатира I. На хулящих учения...» С. 59.

²¹ «Сатира I. На хулящих учения...» С. 59.

²² «Сатира V. На человеческие злонравия вообще». С. 132.

²³ Об использовании этого мотива арзамасцами и Пушкиным в связи с творчеством графа Д.И. Хвостова см.: *Довгий О.Л.* Пушкин и Хвостов в «хвостовской лавке Арзамаса» // *Поэтика*. М., 2009. С. 158–182.

²⁴ «Из Буало. Сатира первая». С. 342.

²⁵ «Сатира IV. О опасности сатирических сочинений...» С. 112.

²⁶ Заметим, что ни Батюшков, ни Пушкин на заветной полке не держат творений Кантемира.

²⁷ См., например, *Томашевский Б.* Пушкин. Кн. 1: (1813-1824). М.; Л., 1956.

-
- ²⁸ См., например, Батюшков. Вечер у Кантемира; *Фридман Н.В.* Проза Батюшкова. М., 1965.
- ²⁹ В. Маяковский. «Юбилейное».
- ³⁰ Произв. А.С. Пушкина цит. по: *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1977–1979.
- ³¹ «Пирующие студенты».
- ³² «Послание к Галичу».
- ³³ «Послание к Юдину».
- ³⁴ См. об этом: *Довгий О.Л.* «Ветхий Данте выпадает». Режим доступа: <http://intrada-books.ru/dovgy/fallen.htm>, свободный; *Довгий О.Л.* Пушкин и Хвостов в «хвостовской лавке Арзамаса» // Поэтика. М., 2009.
- ³⁵ «К Лицинию».
- ³⁶ «К Лицинию».
- ³⁷ «Евгений Онегин», 1, LX.
- ³⁸ «Евгений Онегин», 8, LI.
- ³⁹ «Кто-то высмотрел плод...».
- ⁴⁰ «Жуковскому».
- ⁴¹ «Евгений Онегин», 1, XLIV.
- ⁴² О мотиве выпадающей книги у Пушкина см.: *Довгий О.Л.* «Ветхий Данте выпадает».
- ⁴³ «Евгений Онегин», 2, Xla.
- ⁴⁴ «Разговор книгопродавца с поэтом».
- ⁴⁵ «Борис Годунов».
- ⁴⁶ «Родословная моего героя».
- ⁴⁷ Б.Пастернак. «Из суеверья».
- ⁴⁸ «Пирующие студенты».
- ⁴⁹ «Сцена из Фауста». Черновик.
- ⁵⁰ «Сцена из Фауста».
- ⁵¹ «Когда за городом задумчив я брожу...».
- ⁵² «Осень».
- ⁵³ «Воспоминание».